КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 340

Бойко А.И.

В диссертационный Совет Д 212.135.04
на базе ФГБОУ ВПО «Московский
государственный лингвистический университет»

О Т З Ы В

официального оппонента о диссертации А.И. Ситниковой – «Законодательная текстология уголовного права», представленной на соискание учёной степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право (в двух томах общим объёмом 743 машинописных страницы, 650 источников цитирования; автореферат на 47 страницах; 80 публикаций по теме диссертации, из них 6 монографий и 29 статей в журналах перечня ВАК)

«В начале было Слово…» – это евангелическое утверждение от Иоанна много веков гипнотизирует человечество, но на сегодняшний день его основным адресатом стала юриспруденция. И причина тому понятна: для права особое значение имеет управленческая функция языка, ибо с его помощью отдаются команды населению и принимаются сообщения об их выполнении. С появлением и развитием письменности публичная власть руководит обществом посредством бумажной корреспонденции. Большею частью такие распоряжения имеют вид текстов или «сообщений, объективированных в виде… документа, состоящих из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющих определённый моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанных» (Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. С. 19). В этом отношении выбор темы диссертационной работы абсолютно состоятелен.

Давно замечено и оценено, что используемый для достижения социальной гармонии нормативный материал постоянно увеличивается в своих объёмах – сообразно усложняющимся условиям и задачам общежития. Самый наглядный, поверхностный, мобильный и легко реконструируемый слой «управленческой» юриспруденции олицетворяется письменными памятниками, представляющими сплав мысли и языка в форме текстов. Тексты получаются заведомо некачественными минимум по двум причинам: из-за ограниченных возможностей письменной речи для описания жизни (1) и в силу пожизненно низкого уровня (нравственного и интеллектуального) депутатского корпуса (2). Данный тезис подтверждается сегодня азартным и потому критикуемым нормотворчеством, в результате чего в УК РФ внесено более 3 000 поправок, причём тексты некоторых статей изменялись несколько раз, иногда – в строго противоположном направлении и за непродолжительный период времени. Так дальше законодательствовать нельзя. А как нужно – отвечает в своей диссертации А.И. Ситникова. В этом заключается безусловная злободневность и профессиональная полезность её докторского исследования.

Соискательница анонсирует свой труд такими обстоятельствами, как большие объёмы технико-юридического брака, связанные с ускоренным производством законов, отставание от требований жизни уголовно-правовой науки, сконцентрировавшейся на законодательной технике и языке закона, но практически игнорирующей изучение нормативных текстов. Здесь она права. Без сомнений и оговорок принимаем также авторское видение научной новизны её предприятия – как первое монографи-

ческое исследование законодательной текстологии в уголовном праве (с. 12) . В целом актуальность оцениваемого диссертационного исследования определяется как характером темы, так и комплексом рассматриваемых в её рамках вопросов, самостоятельным подходом автора к их разрешению, который отличается смелостью и новизной плюс частичным опровержением существующих на сегодня постулатов уголовно-правовой доктрины.

Сразу скажем, что диссертационное предприятие А.И. Ситниковой удалось. Это мнение подтверждается чинностью поставленных задач и методичностью их реализации, чётким различением объекта и предмета исследования, убедительным обоснованием аналитического инструментария, умением изысканно формулировать своё мнение и вершить выводное знание, постоянным и благородным подчеркиванием тянущихся из прошлого отечественной науки генеалогических корней собственных позиций.

Реквизитные части рецензируемого труда: Введение (с. 4 – 21) – в части формулирования актуальности, степени научной разработанности темы, объекта, предмета, цели и задач работы, её методологической основы и частных приёмов анализа, представления перспектив теоретического и практического приложения результатов; Заключение (с. 406 – 414) – в части формулирования доктринальных, проектно-законодательных и прикладных выводов, а также прогнозов) выполнены диссертантк ой квалифицированно, убедительно, выверенным тоном, что обычно свидетельствует о хорошей обдуманности подходов, методики анализа и его результатов. Свежо смотрятся и грамотно поданы в тексте диссертации 18 положений, вынесенных на публичную защиту (с. 12 – 19). Вполне достаточны для настоящей темы заявленные и действительно задействованные в работе теоретическая, нормативная и эмпирическая основы, а также степень апробации результатов диссертации.

План диссертации может быть принят без критики: научный фундамент темы (глава I) → взаимосвязь «новой» текстологии со «старой» законодательной техникой (глава II) → процесс текстообразования в свете качества уголовного закона (глава III) → детальный анализ текстов Общей и Особенной частей УК РФ (главы IV и V). В самой работе указанная логичная композиция содержания последовательно реализована.

В первой главе («Законодательная текстология уголовного права: теоретический, методологический и прикладной аспекты») подробно аргументируется необходимость развития нового направления теории уголовного права, сулящего прикладные выгоды, – законодательной текстологии (§ 1). Автор справедливо отмечает, что в анализе Уголовного кодекса пока доминирует языковый подход, хотя в его рамках фактически и некорректно рассматриваются текстовые проблемы. Новый же подход «держится на понимании того, что конечным продуктом законодательной деятельности выступает текст уголовного закона, а не языковые единицы, имеющие различное грамматическое качество», что его применение позволяет видеть в УК РФ «целостное единство», выделять его текстуальные специфики, проводить «анализ структурной организации нормативного текста», рассматривать «композиционно-графические особенности» закона, давать «практические рекомендации по конструированию и интерпретации уголовно-правовых предписаний с новых позиций» (с. 80).

Методологические основы законодательной текстологии (§ 2) познаны и избраны соискательницей с опорой на труды и взгляды юристов С.С. Алексеева, Р. Иеринга, Д.А. Керимова, В.Я. Колдина, В.В. Лазарева, П.И. Люблинского, К.К. Панько, В.М. Сырых, Р.О. Халфиной, А.А. Ушакова, философов и филологов М.П. Бахтина, Г.О. Винокура, П.А. Капицы, В.П. Кохановского, Е.В. Сидорова, Ф. де Соссюра, З.Я. Тураевой, В.Е. Чернявской и других авторитетов науки. Попутно обсуждается понимание и сочетание таких значимых феноменов гносеологии, как методология и методы, методология и мировоззрение, теория и метод (с. 36 – 38), законодательная текстология сравнивается с законодательной техникой (с. 38 – 40). В работе предложена дефиниция «текста» (с. 40 – 41) и набор специальных методов – дискурсивного анализа, коммуникативного подхода и концепции двухуровневой организации нормативных текстов, что в целом образует «законодательно-текстологическую парадигму» (с. 46).

В § 3 оценены процессы конструирования законодательных текстов – с обращением к статьям УК о понятии и категориях преступлений (с. 50 – 56), возрасте уголовной ответственности (с. 57), значении состояния опьянения в момент криминального поступка (с. 57 – 58) и к особому научному кон-

структу – составу преступления. В результате выделены «универсальные конструктивные компоненты уголовно-правовых предписаний», а именно тема и её комментарий (с. 81).

Предметом последнего, 4-го параграфа главы стало текстологическое толкование уголовного закона. Назвав причины неизбежности интерпретации статей УК и особую важность её правоприменительного подвида, критически разобрав традиционные доктринальные представления о видах толкования, автор отдаёт предпочтение законодательно-текстологической интерпретации УК, «так как все виды толкования имеют в качестве общего объекта законодательный текст» (с. 67), а сам он есть «первичный нормативный текст», по отношению к которому интерпретации есть «вторичные тексты» (с. 69 – 70). Диссертантка предъявила свой алгоритм законодательно-текстологической интерпретации, состоящий из установления подлинности текста, анализа его свойств и сегментации предписаний (с. 75 – 79).

Во второй главе – «Законодательная техника и законодательная текстология как взаимосвязанные и взаимодополняющие теоретические построения» показана (§ 1) генетическая близость этих уровней понимания нормативных смыслов через такие фрагменты, как первые теоретические представления о конструировании нормативных текстов и традиционные средства законодательной техники (конструкции, дефиниции, презумпции, фикции, примечания и аксиомы) с последующим представлением вполне убедительного выводного знания (пп. 1 – 3 на с. 171 – 172).

В параграфе 2 соискательница представила крупногабаритный обзор истории парламентской деятельности с выделением сменяющих друг друга эпох: законописания (базировалось на случайной практике и обычаях), законотворчества (опиралось на теоретические разработки и накопленный нормативно-технический опыт) и законопроизводства (для этого периода характерны «ускоренный рост количества законов», «предельно рациональный… политический диктат», «укрепляющийся технологический подход к составлению уголовно-правовых норм», связанный, как ни странно, с «технико-юридическим браком» – с. 145). Именно для наступившего этапа правоустанавливающей деятельности государства наиболее подходит пропагандируемый диссертанткой текстологический подход, ибо поточное изготовление норм «не предполагает творческого вдохновения, озарения и творческой интуиции, так как опирается на рационально упорядоченные процедуры, методику, приёмы и правила» (с. 150).

В последнем параграфе второй главы УК РФ представлен как «текстуальный феномен эпохи законопроизводства» с такими типичными признаками, как название, объективированность государственной воли в нормативном акте, текстуальная завершённость, литературная обработка, наличие в его составе объединённых жёсткой связью смысловых единиц, целенаправленность и прагматическая установка. Установлено, что уголовный закон, не обладающий этими свойствами, «может считаться недостаточно совершённым и даже отчасти дефектным» (с. 173).

Третья глава – «Текстообразование уголовно-правовых предписаний и проблема качества уголовного закона» состоит из 3-х параграфов. В первом из них нормативы Общей и Особенной частей кодекса рассмотрены именно в текстуальном свете, ибо «обращение к категории «текст» снимает проблему структурирования норм из элементов уголовно-правовых предписаний (гипотеза, диспозиция и санкция. – А.Б.) и соответствующим образом меняет проблематику уголовного права и ракурсы его рассмотрения», ибо «при таком подходе уголовное право воспринимается в качестве объекта проблемного понимания и описания» (с. 179). Исходя из выдвинутой соискательницей «оптимальной модели» построения текста УК одному законодательному высказыванию должно соответствовать одно грамматическое предложение (с. 183). Но идеальные расчёты не срабатывают; на с. 183 – 186 сгруппированы и проанализированы далеко не оптимальные статьи действующего Кодекса, в результате чего автор приходит к мысли о «нежелательности» нормативных текстов, образованных «путём использования сверхфразовых единств» (наличие двух и более предписаний в одном пункте, части или статье УК), как не отвечающих требованию структурно-композиционной дифференциации содержания закона. Это отступление от оптимальной модели построения текста (в Особенной части из двух предписаний состоят 108 статей, из трёх – 84 статьи, из 4-х – 32 статьи, из пяти – 7 статей и из 6 предписаний – 3 статьи) гипотетически устранимо двумя способами – объединение нескольких пред-

писаний в одно или, напротив, их структурная дифференциация – но предпочтение следует отдавать второму механизму (с. 187 – 188).

В § 2 главы освещены «композиционно-графические особенности уголовно-правовых предписаний», а к ним отнесены абзацы, рубрики с соответствующими названиями, нумерация разделов, глав и статей, буквенно-цифровая литерация структурных компонентов самих статей, разделительные знаки в форме тире. Нормодателю рекомендовано «отказаться от абзацно-литерного членения основных составов и, напротив, направить свои усилия на абзацно-литерное членение квалифицирующих признаков» (с. 234).

В § 3 проблема качества Уголовного кодекса увязана с компетентностью его адресатов или пользователей, что справедливо, поскольку совершенство нормативных актов проверяется только в сфере их применения, когда обнаруживаются «терминологическая невыдержанность и избыточность текста, чрезмерная сложность, нарушение логики изложения, несогласованность отдельных положений и др.» (с. 210). В диссертации оценивается известная оппозиция двух желательных, но взаимно противоречащих свойств уголовного закона – его точности и ясности. А научный приговор автора таков: «следует отказаться от принципа упрощения нормативных текстов, за счёт которого достигается пресловутая ясность и тем самым мнимая доступность закона» (с. 218); сочетание точности и краткости должно обеспечиваться «не за счёт потери нормативной информации, а за счёт повышения качества нормативного текста» (с. 219). Разумеется, закон рассчитан и на сотрудников правоохранительных органов (типовой адресат), и на учёных (специальный адресат), и на обывателей (массовый адресат). Но в погоне за ясностью Уголовного кодекса «законодатель не может и не должен ориентироваться на лиц с низким уровнем компетентности; не может, так как такая ориентация неизбежно влечёт снижение качества уголовно-правовых предписаний и уголовного закона в целом; не должен, поскольку реализация уголовно-правовых предписаний – удел профессионалов». А они-то «способны дать надлежащие разъяснения заинтересованным лицам и тем самым устранить имеющиеся неясности» (с. 236). Эта логика и её итог нами разделяется.

Глава IV – «Применение концептуальных положений законодательной текстологии в Общей части уголовного закона» фактически охватывает (ограничена) только три главы УК РФ – о неоконченном преступлении, соучастии и обстоятельствах, исключающих преступность деяний. Автор работы вполне удовлетворительно объясняет свой выбор теми соображениями, что названные институты влекут различные последствия (смягчение, усиление либо исключение уголовной ответственности) и «являются наиболее иллюстративными в законодательно-текстологическом отношении» (с. 237). Представленные в трёх параграфах диссертации «Теоретические модели» трёх глав (институтов) уголовного закона, построенные на доктринальных концептах, за небольшими шероховатостями (например, нормативы, закреплённые в главе VIII УК РФ, вряд ли уместно именовать «исключительными ситуациями», поскольку причинение вреда при самообороне, исполнении приказов, задержании правонарушителей и т.д. банально, встречается часто), выглядят убедительно и должны быть приняты в отраслевой науке. Можно согласиться с тем, что этот результат достигнут благодаря одновременному применению двух приёмов – «поверхностной» деконструкции и доктринальной интерпретации предписаний (с. 329). В этой главе сконцентрированы предложения de lege ferenda и большинство научных новинок автора (с. 330 – 332).

Последняя глава диссертации, именуемая «Конструирование и законодательно-текстологический анализ заголовков и нормативных предписаний Особенной части уголовного закона» наиболее содержательна и многопрофильна. В ней уделено внимание и заглавиям, и классификации corpus delicti, и примечаниям, и текущим изменениям Кодекса. В § 1 настоящей главы автор ратует за «оптимальное сосуществование номинативной и информативной функций» (с. 340) заголовков, отдаёт предпочтение кратким номинативным заглавиям, ибо «заголовки-диспозиции не способны выполнять назывную функцию, так как их невозможно воспроизвести в речевой практике в качестве наименования статьи» (с. 338), ибо их «информативность избыточна», а «объём велик» (с. 347). Тематические заголовки в свою очередь разнообразны и делятся на 6 подвидов: краткие, словосочетания, удвоенные, бланкетизированные, перечневые и комбинированные (с. 342 с последующим подробным комментированием). Выделены и три функции заголовков –

номинативно-назывная, информативно-смысловая и системно-интегративная (с. 349).

Во втором параграфе господствующие в научной и учебной литературе представления о классификации составов преступлений с опорой на текстоцентрический подход пополнены новыми видами: составами неоднократности, причинения определённого вреда, поставления в опасность, применения насилия и размерности. Каждому из них дано внятное объяснение со ссылкой на статьи Уголовного кодекса.

В § 3 главы показана тенденция увеличения числа и разнообразия функциональной нагрузки примечаний в тексте уголовного закона, выделены 7 имманентных признаков данных приёмов форматирования текста (с. 367), акцентированно заявлено, что уголовно-правовые примечания: разгружают текст УК; поясняют и даже восполняют содержание статей закона «в той части, которая является наиболее проблемной в смысловом либо регулятивном отношении», служат «действенным инструментом уголовно-правовой политики» (с. 371). Все примечания пересчитаны и сгруппированы диссертанткой на примечания-дефиниции, примечания-уточнения, примечания-исключения, примечания-ограничители, бланкетно-справочные и комбинированные примечания. По ходу анализа автор вносит предложения по коррекции текста существующих примечаний (например, к ст. 126 УК на с. 384). В целом соискательница находит, что примечания являются «структурно необходимыми компонентами уголовного закона, поскольку они не только улучшают структурную организацию УК, но и повышают качество уголовного закона в целом», упрощая «восприятие, усвоение и применение уголовно-правовых предписаний» (с. 404).

В последнем параграфе исследования изменения УК РФ за 2011 – 2012 гг. анализируются по трём направлениям – уточнение конструктивных особенностей предписаний (таковых оказалось 6), определение негативных (8) и позитивных (7) тенденций процесса обновления Кодекса, внесение предложений, направленных на совершенствование текста УК. Общий вывод параграфа сводится к тому, что «высокая законодательная активность в сфере уголовного права не даёт ожидаемых результатов» в силу ограниченности ресурсов законодательной техники, все ещё ориентирующейся на традиционный инструментарий и игнорирующей законодательную текстологию (с. 402, а также 405).

Оппонент считает своим долгом и обязанностью обратить особое внимание диссертационного Совета на многочисленные подвижки теории уголовного права, сотворённые соискательницей в процессе и по итогам работы над темой. В них содержится значительный экстракт новизны, светится личный вклад А.И. Ситниковой в науку, а достигнуты они достоверным образом – с применением адекватных методов, при благородной опоре на труды предшественников и на солидном эмпирическом материале. К таковым результатам мы относим:

1) разработку общего алгоритма законодательно-текстологического толкования статей УК из 3-х этапов (с. 13, 75 – 79);

2) выделение двух уровней – поверхностного и глубинного (с. 15, 46, 159, 238, 329) и двух компонентов – тематического и содержательно-описательного (с. 57, 81) законодательного текста;

3) выявление 10 проблемных ситуаций конструирования интерпретации уголовного закона, требующих именно текстологического подхода (с. 35-36);

4) вычленение и аргументацию 7 базовых признаков нормативных текстов (с. 10, 14 – 15, 154, 173);

5) формирование методологической базы законодательной текстологии в виде союза трёх подходов – текстоцентрического, дискурсивного и коммуникативного (§ 2 главы I, с. 80 – 81);

6) классификацию всей истории законодательной деятельности на 3 этапа (законописания, законотворчества и законопроизводства) с наложением обнаруженных тенденций на потребность законодательно-текстологического изучения УК РФ (§ 2 главы II);

7) композиционно-графическое представление текста УК – как оптимальное для понимания и применения закона сочетание рубрик (с названиями), абзацев, сквозной нумерации, разделительных знаков (тире) и буквенно-цифровой литерации (§ 2 главы III, с. 195);

8) выделение 3-х групп адресатов уголовного закона с различным уровнем компетентности – правоприменителей, учёных и обывателей – для оценки качества текста УК (§ 3 главы III, с. 235 – 236);

9) создание в стиле de lege ferenda и потому практически пригодных для парламентского ис-

пользования Теоретических моделей 3-х наиболее сложных глав УК РФ, посвящённых неоконченным преступлениям, соучастию и обстоятельствам, исключающим преступность деяний (с. 257 – 258, 279 – 284, 317 – 320);

10) доказательное пополнение доктринальных знаний о составах преступлений новыми видами – составами неоднократности, причинения определённого вреда, поставления в опасность, применения насилия и размерности (с. 354 – 363, 403);

11) выдвижение оптимальной модели построения нормативных текстов: одно законодательное высказывание оформляется в одном предложении кодекса (с. 183 и след.);

12) дополнение общеизвестных нарушений условий правомерности необходимой обороны (мнимая, с превышением пределов, провокация) такими её разновидностями, как незаконная оборона, псевдооборона и симуляция обороны (с. 309);

13) установление конструктивных особенностей, позитивных и негативных последствий последних изменений в УК РФ – с внесением предложений по совершенствованию новаций в текст уголовного закона (§ 4 главы V);

14) актуализацию всего понятийного аппарата законодательно-текстологического подхода из 17 смысловых единиц (с. 409);

15) предложение авторских классификаций различных фрагментов законодательного текста и знаний о нём: заголовков и примечаний (с. 19, 342, 347), фикций (с. 97 – 103), презумпций (с. 172) и примечаний (с. 377) – с указанием путей практической реализации этой информации.

В тексте оцениваемой диссертации имеется множество важных для нашей отрасли наблюдений, суждений, выводов и рекомендаций, а именно: а) действующий УК РФ «является относительно завершённым именно в дискурсивном, а не в текстуальном отношении», отчего законодатель принужден регулярно вносить в закон всё новые предписания, так как «дискурсивно незавершённый нормативный акт нуждается в дополнениях, которые призваны устранить имеющиеся пробелы и тем самым придать уголовному закону актуальную степень завершённости» (с. 161); б) многочисленные поправки в УК имеют своим назначением «радикальную либерализацию уголовно-правовой политики, а не повышение качества уголовного закона» (с. 211); в) стадия приготовления «представляет собой создание предпосылок для совершения готовящегося преступления, а не создание условий (как в тексте ст. 30 УК РФ – А.Б.), так как предпосылки предшествуют преступлению, а условия представляют собой обстоятельства, в которых совершается преступление» (с. 252); г) законодатель не может быть создателем уголовно-правовых теорий, ему по силам лишь использование имеющихся в доктрине концепций (с. 264).

По ходу и результатам исследования диссертантка ввела в научный оборот новые понятия и термины, пока неведомые отраслевой науке: «перлокутивный эффект» (с. 213, 363) – реакция на нормативный текст его адресата; «рестрикативность» (с. 362, 363) – свойство частей текста (обычно отражающих криминализирующие признаки деяний), исключающее привлечение к уголовной ответственности при отсутствии фактических данных, описанных в этих частях текста УК; «сверхфразовое единство» (с. 234 и др.) – вариант отступления законодателя от идеальной модели конструирования текста, при которой одна мысль должна раскрываться в одном предложении.

Замечания, возражения, недоумения. По устоявшимся шаблонам научных отзывов приспело время вопрошать, указывать и порицать. Это легко сделать. Ведь любой специалист, берущийся за обсуждение концептуальных дисциплинарных устоев, вольно или неосмысленно обрекает себя на критику в попрании пока универсальных представлений, в забвении отдельных теоретических постулатов, в упущенной выгоде и прочих «смертных грехах». Такие претензии предъявлять легко. Ведь частные просчёты и незавершённости заказаны высоким уровнем обследования, могут быть кажущимися для оппонентов («ваши догадки так же верны, как и мои» – американская поговорка), и от них не застрахован самый маститый профессионал. Этими оговорками мы хотели сказать, что новизна, масштаб и своеобразие темы диссертации как бы предписывают необходимость дискуссии, критики и возражений, сообщают свойство полезности попрёкам и замечаниям рецензентов в адрес соискательницы; члены же специализированного Совета и всё научное сообщество вольны засчитать наши претензии либо за недостаток работы, либо оценить их как своеобразный анонс предстоящим исканиям последователей.

Наши замечания, порождённые вышеназванными мотивами и сопровождаемые надеждой на то, что их поступление в Совет послужит для диссертантки дополнительной возможностью по пропаганде своей концепции, таковы.

1. Естественная увлечённость темой, на наш взгляд, привела автора к чрезмерным надеждам на текстологический подход к закону, к попрёкам отраслевой доктрине за то, что в ней «сложилась прочная традиция уделять внимание языку, а не тексту уголовного закона» (с. 34), за отождествление «языковых и текстовых феноменов» (с. 407), несмотря на то обстоятельство, что «конечным продуктом законодательной деятельности выступает текст уголовного закона, а не языковые единицы, имеющие различное грамматическое качество» (с. 80).

В этом есть резон, однако: а) язык первичен, а текст вторичен; язык – строительный материал, «код» (с. 15 автореферата) для создания письменной речи; б) язык более богат по своим проявлениям, нежели текст, ибо имеет и устную, и письменную формы; в) попытка полностью переориентировать теорию с языкознания на текстологию некорректна, поскольку «дихотомия языка и речи (устной и письменной) является непреложным фактором» (с. 44); г) наконец, если депутатский корпус не знаком с азами языкознания (а это очевидно), уповать на изготовление парламентариями совершенных законодательных текстов или сложнейшей знаково-семантической партитуры из отдельных слов, – утопия.

2. Способом борьбы с объёмными и потому нечитабельными текстами А.И. Ситниковой предложено разукрупнение текстового материала «за счёт графически-буквенного выделения смысловых фрагментов уголовно-правовых предписаний и (или) бланкетизации нормативного текста» (с. 192). Но ведь громоздкость, пусть и разбитая на кластеры, останется. А не лучше ли упрощать длинные законодательные тексты до уровня коротких предложений? Советская филология оптимальной для восприятия считала практику формулирования законченных мыслей с помощью предложений из 7 слов. В наше же лихое время, когда читать не принято, когда национальную культуру олицетворяют андеграунд и спекулянт-лавочник, когда некогда элитное юридическое образование стало поголовным, законодателю впору переходить к казарменному стилю, к рубленым фразам из 3 – 4 слов, а не сохранять предложения из 35 (ч. 1 ст. 1411 УК РФ) или 21 (ч. 2 той же статьи) строки, пусть и внешне поделённых на мелкие смысловые фрагменты посредством чисел, букв, абзацев, параграфов, тире и т.д.

3. В диссертации автор представил теоретическую модель главы VII УК РФ, посвящённую соучастию в преступлении (§ 2 главы IV работы), а обосновывается данное новшество ссылкой на «положения законодательной текстологии» (с. 279). В частности, предусмотренный в ст. 33 УК РФ примерный перечень способов подстрекательства дополнен указанием на обман, физическое насилие и даже «подзадоривание» (с. 280). Причём, по авторской модели неудавшееся «подзадоривание», т.е. попытка склонить другое лицо к совершению преступления в эмоционально-шутливой форме, влечёт ответственность за покушение (с. 282), а вот создание организованной преступной группы (кроме случаев, предусмотренных ст.ст. 2053, 2054, 208 – 210, 239 и 2821 УК РФ) образует лишь приготовление к тем посягательствам, для совершения которых создана организованная преступная группа. Есть ли в этих установлениях логика и справедливость?

4. Закономерно предположение, что специализированная работа по законодательной текстологии будет не только придирчивой по отношению к парламенту (что естественно и полезно), но сам её текст послужит образцом смысловой и стилистической аккуратности. Однако оппоненту показались упречными в этом свете следующие фрагменты диссертации:

а) как ни странно, мы обнаружили различия (пусть и несущественные, но в существенных местах) в названиях: § 1 главы II в оглавлении («Законодательная техника и законодательная текстология в контексте уголовного права») и в тексте диссертации («Законодательная техника и законодательная текстология в контексте развития уголовного права» – с. 83); § 2 главы II в оглавлении звучит как «Уголовно-правовые предписания различных эпох с позиций законодательно-текстологического подхода», а в тексте диссертации и в автореферате (с. 19) несколько по-иному – как «Уголовно-правовые предписания различных эпох с позиций законодательной текстологии»; § 1 главы III именуется в оглавлении «Уголовно-правовые предписания Общей и Особенной частей Уголовного кодекса

Российской Федерации», а в самом тексте допущена вольность – Уголовно-правовые предписания Общей и Особенной частей УК РФ как нормативные тексты» (с. 175). А ведь названиям текстов А.И. Ситникова посвятила целый параграф своего труда (5-й главы V), причём отлично исполненный, с воззваниями к парламенту, чтобы заглавия структурных частей закона отвечали требованиям «воспроизводимости, достаточной информативности и соответствия содержанию структурных единиц и блоков» (с. 349, а также с. 412);

б) не совпадает нумерация § 3 главы I в оглавлении (с. 46) и в тексте (с. 47); главы IV в оглавлении (с. 239) и в тексте (с. 237);

в) поскольку почитается за аксиому утверждение, что закон суть письменная форма существования права, то именовать весь труд «Законодательной текстологией уголовного права» – не лучший вариант. Корректнее выглядело бы название «Текстология уголовного закона» или хотя бы «Законодательная текстология в уголовном праве»;

г) в списке учёных, труды которых составили «теоретическую основу исследования» А.И. Ситниковой, приведённом в автореферате (с. 6), утрачены фамилии И. Бентама, У. Блекстона и Т.В. Клёновой, прежде упомянутые в тексте самой диссертации (с. 11).

5. Авторские призывы к законодателю умело пользоваться «абзацно-литерной композицией уголовно-правовых предписаний» (с. 235, а также § 2 главы III) явно диссонируют с её собственным 57-страничным библиографическим списком (с. 415 – 471), представленном без внутреннего структурирования, т.е. сплошным образом. Основной объект исследования – текст действующего УК РФ – приведён в конце списка (пп. 544 – 546 на с. 462 – 463) и не по официальному изданию, а по версии коммерческих издательств (АО «Центр Юр Инфо Р»; «Эксмо», ООО «Рид Групп»), самые свежие из которых датируются 2011 годом. И это на фоне акцентированных предупреждений самой соискательницы, что «тексты Уголовного кодекса, публикуемые различными издательствами, нередко воспроизводят устаревшие редакции уголовного закона, не содержат последних изменений, внесённых Федеральными законами, и не имеют указаний, в редакции каких Федеральных законов опубликованы заголовки, статьи, их части, пункты и примечания… Такого рода недостаточно информативные и неполные тексты затрудняют законодательно-текстологическую интерпретацию уголовного закона и требуют обращения к таким официальным источникам, как «Российская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации» (с. 75 – 76).

Особый разряд нареканий рецензентов в адрес чужих рукописей составляют сетования по поводу отсутствия в них тех положений, которые хотелось бы видеть критику, но которыми автор побрезговал предположительно по тому соображению, что они не относятся к несущим конструкциям выстроенного научного здания. И это его право. В юриспруденции игнорирование попутной, но не критичной информации именуется упущенной выгодой. Мы считаем допустимым и полезным обратить внимание соискательницы на упущения лишь по IV главе, потому что в её рамках автор решилась на формализованные предложения к законодателю. Наше сожаление касается того, что остались без внимания следующие проблемы: а) по учению о неоконченных посягательствах – допустимость уголовной ответственности за иное преступление при добровольном отказе от основного или первичного преступления (нет ли здесь отступления от идеи субъективного вменения?); б) по учению о соучастию – сочетание фактической акцессорности с идеальным принципом индивидуальной ответственности, культивируемом в уголовном праве; в) по главе VIII УК – юридическая оценка случаев причинения смерти или вреда здоровью граждан при срабатывании т.н. «упредительных устройств» для защиты от вероятных и пока «безадресных» (на момент установки устройств) посягателей – в рамках регламентации права на необходимую оборону.

Трафаретный для оппонентских отзывов переход от упреков к представлению окончательного приговора по диссертации («отмеченные недостатки не снижают в целом положительной оценки рецензируемой работы») в нашем случае совершенно уместен и справедлив.

Конусируя заявленные в отзыве достоинства и упущения оцениваемой работы, заявляем, что в целом мы имеем дело с самостоятельным творческим исследованием важной общественно-политической и юридической проблемы, открывающим новое направление в отраслевой доктрине, что цель и задачи диссертации выполнены, что по ходу анализа автор показал умение обстоятельно и методически правильно решать болезненные вопросы, что ито-

говые положения и выводы базируются на солидном теоретическом и эмпирическом материале, что присутствует очевидная и существенная новизна в постановке и разрешении проблем, что итоги работы прошли надежную и своевременную апробацию с тем, чтобы профессиональное сообщество криминалистов смогло заблаговременно познакомиться с основными подходами и результатами поиска, что автор доказал свое право на признание себя научной средой в качестве состоявшегося учёного. Автореферат отражает основные положения диссертации полностью и без искажений. Весьма информативны, наглядны, убедительны и полезны для лучшего усвоения текстового материала Приложения к диссертации (том II объёмом 272 машинописные страницы).

Тексты диссертации и автореферата к ней убеждают, что избранная соискательницей проблема оказалась ей по плечу. Это подтверждается: 1) фронтом и глубиной анализа поднимаемых вопросов; б) объёмами задействованных источников и оценённых точек зрения; в) умением видеть пока не получившие достойного разрешения в науке и законодательстве узловые вопросы и предлагать вполне приемлемые варианты реагирования на них; г) способностью вести заочную полемику с авторитетами уголовного права и филологии, попутно демонстрируя искреннее уважение к предшественникам и генеалогии уголовно-правовой теории вообще; д) качеством и стилистикой выводного знания.

Итожим: по всем аттестационным показателям (актуальность и масштабность темы, самостоятельность исследования, достаточная новизна положений, состоятельность избранной методики анализа, уверенно прогнозируемые научное и практическое значение полученных результатов, убедительная апробация взглядов соискателя в профессиональной среде криминалистов до защиты диссертации) рецензируемый труд имеет право на признание и поддержку в науке. Это обстоятельство, а также продемонстрированное претендентом умение видеть проблемы, двигаться к их разрешению и формулировать выводное знание сообщают нам решимость рекомендовать специализированному Совету Д 212.135.04, созданному на базе ФГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет», присудить Александре Ивановне СИТНИКОВОЙ учёную степень доктора наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

6 февраля 2014 года
УДК 342

Акопов Л.В.

ГОСУДАРСТВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

В настоящей статье подвергнуты анализу изданные в 2012 – 2014 годах крупные монографические исследования, посвященные проблемам государства и государственной власти в их научно-теоретическом и политико-правовом осмыслении.

In this article the author analized three monographic investigations, which devoted to problems of state and state's power increasing in the third millennium

Ключевые слова: *Государство, государственная власть, правовое государство, происхождение государств, признаки государства, гражданское общество, конституция, устройство государства, функции власти.*

Keywords: *the state, state's power, the law state, civil society, constitution, the functions of state's power.*

В последние несколько лет в научной юридической литературе возродился активный исследовательский интерес к проблематике государства и государственной власти через призму их теоре-